

Состояніе философіи къ началу XX столѣтія.

(Продолженіе).

Кунно Фишеръ во введеніи къ своей Исторіи новой философіи опредѣляетъ самую философію, какъ самопознаніе человѣческаго духа, и утверждаетъ, что она, подобно человѣческому духу, подлежитъ развитію въ исторіи. Возрѣніе это коренится въ Кантовскомъ новомъ понятіи о философіи. Задачу философіи составляетъ не метафизическое состязаніе съ другими науками и не система займовъ у нихъ: она имѣетъ свою собственную сферу въ критическомъ изслѣдованіи разума и его нормативныхъ опредѣленій. Но въ этой самой задачѣ скрывается труднѣйшая дилемма: всѣ опредѣленія, къ которымъ должно приводить самопознаніе разума въ критической философіи, претендуютъ на внѣвременное и сверхэмпирическое значеніе; поэтому они никоимъ образомъ не могутъ имѣть основаніе въ эмпирическомъ существѣ челоуѣка (припомнимъ, что по Канту апріорныя формы составляютъ принадлежность „сознанія вообще“ и имѣли бы значеніе даже въ томъ случаѣ, если бы людей и совсѣмъ не существовало);—предметъ философіи не есть человѣческій разумъ, какъ спеціальная принадлежность вида homo sapiens, а міровой разумъ; но мы, какъ философствующіе люди, можемъ постигнуть это сверхэмпирическое значеніе опредѣленій разума только изъ познанія нашего человѣческаго разума. Слѣдовательно, отъ его самопознанія и должна исходить философія: мы должны вѣрить, что онъ причастенъ той трансцендентной истинѣ, которая далеко

внѣ насъ самихъ имѣетъ свое значеніе, и что мы въ состояніи освободить эту сторону разума отъ тѣхъ пеленокъ, въ какихъ онъ данъ для нашего специфически человѣческаго опыта. При этомъ мы не должны забывать, что законъ разума имѣетъ свое основаніе только въ себѣ самомъ (проще всего это можно видѣть на всякой математической истинѣ), и потому его нельзя выводить изъ того способа, какимъ онъ заложенъ въ нашемъ эмпирическомъ сознаніи, и мы должны довольствоваться тѣмъ, что можемъ знать объ этомъ міровомъ разумѣ и усвоить его себѣ лишь настолько, насколько онъ входитъ въ наше эмпирическое сознаніе и тамъ вызываетъ свое признаніе. Отсюда слѣдуетъ, что философія никогда не можетъ быть вполнѣ готовой наукой, а всегда состоитъ въ прогрессивномъ усвоеніи трансцендентнаго содержанія разума (II, 182—184; дальнѣйшія ссылки въ обзорѣ Исторіи философіи дѣлаются также на страницы II тома).

Итакъ, основанія для всѣхъ истинъ разума, устанавливаемыхъ философіей, лежатъ въ самомъ разумѣ; но отысканіе этихъ истинъ свой исходный пунктъ можетъ имѣть только въ самопознаніи человѣческаго разума. Но откуда получается это самопознаніе? Это—основной методологическій вопросъ критицизма. Отвѣчаютъ на него двоякимъ образомъ: по однимъ, базисомъ философскаго изслѣдованія служитъ психическая антропология—эмпирическое познаніе разъ навсегда данной и повсюду себѣ самой равной сущности человѣческой души; другіе хотятъ искать такого самопознанія въ постепенномъ самораскрытіи и самоуразумѣніи человѣческаго духа, состоящемъ въ томъ, что онъ свои неопредѣленные и еще не сложившіяся окончательно природныя расположенія развиваетъ въ теченіе исторіи въ сознательныя образованія посредствомъ многочисленнѣйшихъ упражненій въ работѣ надъ разнообразнѣйшими задачами;—здѣсь органомъ философіи становится исторія. Это различіе взглядовъ можно обозначить, какъ противоположность антропологизма *Фриза* историческому идеализму *Гегеля*. Ихъ общая черта, которой они обязаны *Канту*, состоитъ въ томъ, что для обоихъ для нихъ предварительное эмпирическое познаніе служитъ лишь средствомъ для того, чтобы проникнуть до самоочевиднаго уразумѣнія разумной

истины; для обоихъ это предварительное познаніе служить лишь пособіемъ къ отысканію, а отнюдь не обоснованіемъ истины. Какой же, спрашивается, изъ этихъ двухъ видовъ человѣческаго самопознанія, психологическій или историческій, дѣйствительно пригоденъ для того, чтобы дѣлать замѣтнымъ выступленіе сверхэмпирической разумной истины въ эмпирическомъ сознаніи разума? На этотъ вопросъ Виндельбандъ (авторъ излагаемой статьи) самымъ рѣшительнымъ образомъ даетъ отвѣтъ на пользу историческаго метода (284—285).

Формальная закономерность фактовъ душевной жизни, которая по своей логической сущности должна оказываться вѣрною для всякаго психическаго содержанія жизни, является однако въ отношеніи къ содержанію разума сама по себѣ индифферентной и представляетъ только естественныя условія, при которыхъ эти содержанія могутъ раскрываться въ эмпирическомъ сознаніи. Поэтому сами эти содержанія не могутъ быть получены изъ понятій психической антропологии. Знаніе содержательныхъ опредѣленій разума черпается только въ исторіи. Содержанія разума пробуждаются въ человѣческомъ сознаніи только задачами общественной жизни. Разумъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ не составляетъ принадлежности человѣка, какъ существа природы, а есть задача человѣческой культуры. „Человѣкъ, какъ разумное существо, говоритъ Виндельбандъ, не данъ въ природѣ, а заданъ въ исторіи“. Такимъ образомъ, „объективный духъ“, или историческое развитіе разума человѣческаго рода, есть промежуточное царство между естественной душевной жизнью и вѣчными истинами чистаго разума. Отсюда вполне понятно значеніе исторіи для философіи. Въ ученіи какого либо великаго мыслителя мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ рефлексъ его собственной личности, мы признаемъ въ немъ конденсированное и сформированное въ понятія содержаніе разума своего вѣка. Отсюда понятно и то, почему исторія философіи есть существенная и неотъемлемая составная часть самой философіи (185—186).

Но надо твердо помнить, въ чемъ именно состоитъ это значеніе, чтобы избѣжать опаснаго искушенія растворить самую философію въ ея исторіи. Было бы величайшимъ заблужденіемъ сказанное выше толковать въ томъ смыслѣ, что

будто бы философія должна успокоиться на этомъ историческомъ самопознаніи человеческого разума и усвоить себѣ мнимые результаты исторического процесса, какъ собственное ученіе разума. Въ дѣйствительности отношеніе совершенно иное. Если мы назовемъ содержанія разума, образующія предметъ философіи, общеобязательными цѣнностями, то исторія вскрываетъ предъ нами тотъ запутаннѣйшій процессъ, какимъ во всѣхъ сферахъ культуры и, въ частности, въ самой наукѣ разумныя цѣнности достигаютъ признанія и господства; но это ихъ исторически-всеобщее значеніе отнюдь еще не есть доказательство ихъ критико-философской значимости. Оно скорѣе показываетъ намъ только притязаніе, оправданіе котораго зависитъ отъ философскаго изслѣдованія. То въ разсматриваемыхъ цѣнностяхъ, что дано исторически, есть объектъ философской критики. Это—азбука критической философіи. Имѣя это въ виду, легко избѣжать опасности превратить историческое философствованіе въ „историзмъ“. Послѣднее можно отчасти поставить въ упрекъ Гегелю, который уже вполнѣ отказывался отъ критическаго метода, когда за каждымъ результатомъ историческаго процесса онъ призналъ его относительную цѣнность, какъ „момента“ истины, а самую истину находилъ въ діалектически расположенной системѣ этихъ моментовъ; этимъ историческая наличность (фактъ) перетолковывалась въ смыслѣ философскаго значенія, и принципъ критики совершенно покидался. Такое отношеніе Гегеля къ историческому философствованію обуславливалось его предположеніемъ о параллелизмѣ историческаго и діалектическаго развитія категорій. Предположеніе же это покоилось на томъ оптимизмѣ, который образуетъ существенный признакъ его логическаго идеализма. Научная исторія философіи, понятно, должна отрѣшиться отъ такого ошибочнаго предположенія (187—188).

Исторію философіи такъ же нельзя построить изъ понятій, какъ и всякую другую историческую дисциплину. Этотъ взглядъ господствуетъ теперь надъ всѣмъ развитіемъ исторіи философіи, и именно ему послѣдняя обязана своими научными успѣхами. Она должна быть точной исторической наукой, какъ и всякая другая часть исторіи. И только на этомъ пути она можетъ оказать ожидаемую отъ нея услугу систематической философіи. Ибо вѣдь только благодаря

свободному отъ конструктивныхъ притязаній познанію фактическаго процесса, становится вполне яснымъ, какое участіе въ образованіи понятій принимаютъ, съ одной стороны, запросы времени и личная энергія самостоятельнаго мыслителя, а съ другой, предметная необходимость идейнаго прогресса. По мѣрѣ того, какъ исторія философіи,—въ качествѣ науки, не только регистрирующей и воспроизводящей, но и осмысливающей и изъясняющей,—распутываетъ эти различныя нити въ историческомъ генезисѣ системъ, сами собою выдѣляются временныя причины и внѣвременныя основанія. Въ этомъ и состоитъ ея критическая работа и ея участіе въ самой философіи (189).

Итакъ, исторія философіи есть необходимая составная часть системы философіи и сама—философская наука, но не въ смыслѣ Гегеля, а именно въ силу своего строго-научнаго характера. Но здѣсь возникаетъ одно затрудненіе, связанное съ самымъ существомъ историческаго изслѣдованія. Каждая историческая наука изъ безконечнаго разнообразія того, что вообще „произошло“, выбираетъ то, что съ точки зрѣнія культурной цѣнности можетъ имѣть притязаніе быть „историческимъ“ фактомъ. Слѣдовательно, исторія философіи должна выбирать факты, имѣющіе отношеніе къ „философіи“. Но не требуетъ ли это уже предварительнаго готоваго понятія о философіи? Этотъ вопросъ приобретаетъ тѣмъ болѣе жгучій характеръ, что сами философы чрезвычайно расходятся въ пониманіи философіи и ея задачъ. Ясно, что при такомъ выборѣ фактовъ можно поступать двоякимъ образомъ, смотря по тому, берется ли исторія философіи, просто какъ историческое изслѣдованіе, или какъ часть самой философіи. Въ первомъ случаѣ, надо собрать, критически пересмотрѣть, классифицировать и изслѣдовать въ генетическомъ отношеніи все, что стоитъ въ какой либо связи съ „философіей“ или „философомъ“; а во второмъ случаѣ, изъ этой колоссальной массы данныхъ надо сдѣлать болѣе строгій выборъ того, что имѣетъ продолжающееся значеніе для систематической работы философіи. Не трудно показать, что если для послѣдняго, болѣе строгаго выбора требуется систематическое представленіе о философіи или, по крайней мѣрѣ, о ея задачахъ, то нельзя обойтись безъ него и при чисто исторической работѣ: вѣдь надо же умѣть рѣшать,

принадлежитъ ли данный фактъ къ исторіи „философін“ или къ какой либо другой исторіи. Но, спрашивается, не возвращаемся ли мы, въ такомъ случаѣ, въ кругъ, когда хотимъ, чтобы философія черпала познаніе своихъ проблемъ изъ историческаго самопознанія человѣческаго разума? Этого круга (подобный которому, впрочемъ, можетъ встрѣчаться и въ другихъ наукахъ), по мнѣнію Виндельбанда, можно избѣгать только различеніемъ между научнымъ самоопредѣленіемъ философін и тѣмъ неопредѣленнымъ, многосмысленнымъ воззрѣніемъ на нее, ея задачи и предметы, какое мы получаемъ въ обычныхъ, ходячихъ представленіяхъ. Отъ такого *ἐνδοξον*, какъ подмѣтилъ уже Аристотель, исходитъ всякая наука въ своихъ изысканіяхъ; и лишь постепенно вырабатывается въ собственномъ смыслѣ слова научная традиція (190—192).

Среднее положеніе между исторіей философіи съ преобладающимъ чисто историческимъ интересомъ и философской исторіей философіи занимаетъ третій видъ ея обработки, который, по его преобладающему интересу, можно назвать общелитературнымъ. Какъ бы мы ни опредѣляли философію, существенной составною частью такого опредѣленія будетъ ея занятіе общими вопросами міропознанія и жизнепониманія, которые въ концѣ концовъ касаются всякаго образованнаго человѣка. Поэтому и знаніе исторіи философіи принадлежитъ къ числу непремѣнныхъ составныхъ частей общаго образованія и послѣдняя, какъ таковая, съ полнымъ правомъ должна занимать мѣсто въ литературѣ, въ академическомъ преподаваніи и т. д. (193—194).

Такимъ образомъ, Исторіи философіи, какъ наукѣ, могутъ быть поставлены три задачи:

- 1) историческая,
- 2) обще-литературная
- и 3) философская.

Задачи эти отнюдь не являются несоединимыми; и мы видимъ, что въ лучшихъ трудахъ по нашей наукѣ удовлетворяются всѣ три интереса. Здѣсь прежде всего надо назвать такія монументальныя творенія, какъ сочиненіе *Деллера* о философіи грековъ или *Куно Фишера* о новой философіи. Но и многія монографическія изслѣдованія о большихъ или меньшихъ періодахъ времени процвѣтанія какой

либо особой группы философовъ или философскихъ направленій пишутся такъ, что отдають должное всѣмъ тремъ точкамъ зрѣнія: въ качествѣ общепризнаннаго примѣра можно здѣсь указать знаменитую Исторію материализма *Ланге*. Другихъ примѣровъ, за ихъ чрезвычайнымъ обиліемъ, авторъ не приводитъ, отсылая интересующихся къ новѣйшимъ изданіямъ Исторіи философіи *Ибервега - Гейнце* (194—195).

Разсужденіи автора о каждой изъ этихъ задачъ въ частности мы воспроизводить не будемъ, потому что съ содержаніемъ ихъ русскіе читатели легко могутъ познакомиться по существующимъ въ переводѣ трудамъ Виндельбанда (Исторіи философіи, пер. Рудина, СПБ. 1898, стр. 13 и сл. и Исторіи древней фил., пер. подъ ред. проф. Введенскаго, 3 изд., СПБ. 1902, стр. 5—6), по сравненію съ которыми въ разсматриваемой книгѣ мало чего либо новаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
